

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 330.101

ОТЧУЖДЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

И.А. Евдокимов

Тверской государственной университет, г. Тверь

Развит известной в науке социально-экономический смысл термина «отчуждение». Указаны формы отчуждения. Показано влияние отчуждения на жизнь индивида.

Ключевые слова: *отчуждение, институционализация, институциональная структура.*

Каждый индивид вовлечен институциональную структуру общества, упорядочивающую его жизнь. Наполняя существование правилами и ограничениями, институты делают человека структурной единицей сложной системы, предлагающей ему набор уже готовых шаблонов, которые он может использовать в качестве средств, инструментов и даже целей своего бытия.

Институты, обладая способностью снижать степень неопределенности, структурируют жизнь человека, встроенного в социум. Именно они организуют отношения между индивидами, задают или ограничивают наборы поведенческих альтернатив. Любые институциональные ограничения включают в себя не только запреты совершать те или иные действия, но и указания, при каких обстоятельствах и в каких условиях эти действия допускаются. Это приводит нас к пониманию того, что институты есть ограничения, в пределах которых реализуется человеческое взаимодействие.

Двойственный характер институциональной структуры означает, что продуктивность социума является разрушительной силой для свободного развития индивидуальных способностей и потребностей, а технический прогресс, охвативший систему координирования и господства, создает такие формы жизни и категории власти, которые обладают способностью сдерживать и подавлять те социальные трансформационные процессы, благодаря которым могли бы появляться и утверждаться новые институты.

Ситуация в современном обществе сложилась таким образом, что социум более не поддается определению в привычной терминологии интеллектуальных, экономических и политических свобод и прав. Экономическая свобода могла бы означать свободу от контроля со стороны экономических отношений и сил, свободу от регулярной борьбы за существование и необходимости обеспечивать себя наборами благ, без которых невозможно выжить. Гарантом при такой форме могла бы стать свобода политическая, освобождающая индивида от тех процессов, которые он не в состоянии контролировать. Но подобные категории свободы кажутся утопическими из-за постоянного насаждения экономических, политических и интеллектуальных потребностей, воспроизводящих давно устаревшие формы борьбы за существование.

Производственный аппарат определяет необходимые умения, установки, профессии, индивидуальные устремления и потребности. Способ, которым социум организует жизнь своих элементов, предполагает выбор, но этот выбор является результатом действий господствующих в обществе интересов. Воплощаясь в институтах, он демонстрирует тенденцию к усилению исключительности, определяя направления движения социума.

Экономика, политика и культура, соединяясь благодаря технологическому развитию, сливаются в сложную структуру, способную поглотить или оттолкнуть любые альтернативы. Технологическая рациональность в таком обществе становится экономико-политической рациональностью, стабилизируя социум и удерживая его в рамках существующего господства.

Чем более технически оснащенным, рациональным, продуктивным и тотальным становится общественное управление, тем сложнее представить способы, которые могут дать индивиду возможность достижения освобождения и созидания человечности. Эти процессы неотделимы от понимания и осознания своего истинного положения. Но проблема в том, что преобладающие потребности и способы их удовлетворения часто являются теми элементами, которые препятствуют формированию подобного сознания. Одна система сменяется другой, но человек каждый раз остается лишь ее незначительной частью.

Общественное управление строится на стимулировании неутолимой потребности в производстве, распределении и потреблении благ, ценность которых ему навязана. Может ли быть конкуренция свободной, если она существует в системе регулируемых цен и жесткого доступа на рынок? Можно ли назвать свободной прессу, которая подвергается цензуре? Свободным становится лишь выбор потребителя при сравнении товаров, обладающих низкой степенью дифференциации.

Свободы и права становятся инструментами господства в разных его проявлениях. Впрочем, категория свободы является относительной и ни в коем случае не может носить абсолютный характер. Однако иллюзорный свободный выбор среди разнообразия товаров и услуг никак не означает свободу, если они являются одним из элементов поддержания социального контроля над жизнью индивида, наполненной разными формами отчуждения. Спонтанное воспроизводство человеком навязываемых ему потребностей, не ведущее к автономии личности, свидетельствует о действительности используемых форм контроля. Технологическая реальность вторгается в личное пространство индивида и пытается свести его на нет. Массовое производство и распределение все еще претендуют на индивида, хотя их психология уже давно вышла за границы конвейера.

Впервые отчуждение в социально-экономическом аспекте было обозначено в рамках теории "социального контракта", представители которой, пытаясь ответить на вопросы, связанные с происхождением права, государства и гражданского общества, рассматривали социум как общество делегирования полномочий. Именно под этим понималось отчуждение. Социальные институты в подобном обществе назывались посредниками между индивидами и организациями. В силу того, что институты являются воплощением воли частных лиц, они становятся чуждыми индивиду, заставляя его развивать свою личность исключительно в рамках, установленных «сверху» нормативов, правил, законов и прочих ограничений. В подобном обществе индивид вынужден подчиняться частным интересам. Эта идея выражала протест против антигуманистического характера отношений, складывающихся в системе, основанной на частной собственности. Развивая эту теорию, Мозес Гесс указал на денежный фетишизм, демонстрируя, что деньги являются продуктом взаимно отчужденных индивидов [6, с. 11].

Для Карла Маркса отчуждение есть потеря смысла существования рабочим в процессе деятельности в условиях капиталистического общества. Мартин Хайдеггер, анализируя труды Маркса, указывал, что именно он, осмысливая отчуждение, смог проникнуть в сущностное измерение истории, поэтому марксистский взгляд на развитие истории превосходит иные теории [5, с. 219].

Продолжая изучение форм отчуждения, Эрих Фромм указал на то, что это явление носит практически всеобщий характер, пронизывая отношения человека к потребляемым им вещам, к своей работе, к государству, к ближним и даже к самому себе. Человек создал мир вещей, которых прежде никогда не существовало [4, с. 147]. Однако все созданное индивидом постепенно возвышается и начинает главенствовать над ним. Человек более не чувствует себя творцом и чем могущественнее высвобождает им силы, тем более бессильным он себя ощущает. Он становится слугой того, что было сделано его руками. Индивид противостоит силам, воплощенным в вещах, созданных человеком и отчужденных от него.

По мнению Эриха Фромма, труд становится все более монотонным и однообразным из-за того, что созидательность, любознательность и независимость

мышления отвергаются, что приводит к апатии и даже разрушительности [4, с. 339]. Сходное явление свойственно не только нанятым сотрудникам, находящимся на низшей ступени иерархии, но и нанимателям и владельцам предприятий, которые оказываются под сильным давлением более крупных конкурентов. Приходит понимание, что основная проблема отчуждения заключается не в проблеме фиксации предела несовершенной человеческой предыстории, за которой индивида может ожидать сфера всеовершенной человеческой истории. Это и не проблема дескрипции общества без явлений, генерирующих нежелательные элементы нашей жизни. Отчуждение является проблемой оптимальных возможностей существования индивида и проблемой институционализации тех социальных структур, которые оказывают этому содействие.

На деле отчуждение является многомерным явлением, оно всегда связано с механизмами целеполагания человеческой деятельности в общественном разделении труда, поэтому его корни находятся в социально организованной деятельности. В данном контексте можно говорить об отчуждении деятельности; отчуждении условий деятельности от самой деятельности; отчуждении результатов деятельности от субъекта; отчуждении институтов от трудящихся. Последняя разновидность отчуждения проявляется в форме противостояния государственно-бюрократического аппарата простым индивидам.

Нарушение сущностных сил индивида из-за создания и разрастания институциональных надличностных образований, отторгающих его от использования результатов творческих усилий, отсутствие компенсаторных функций истеблишмента, необходимых в качестве гаранта для самоотдачи личности и обеспечения внутреннего удовлетворения, становятся тормозом процессов самосовершенствования и волеизъявления, приводя к возникновению чувств страдания, страха и неудовлетворенности бытия. В данном отношении отчуждение есть воплощение установления пределов индивидуального развития.

Однако термин отчуждение вполне может показаться сомнительным в том случае, когда индивид отождествляет себя со способами бытия, навязываемыми ему, находя в них пути своего удовлетворения и даже развития. Данная идентификация, являясь настоящей, а не иллюзорной, ведет к новым формам отчуждения.

Одномерное мышление, описанное Гербертом Маркузе, насаждается политическими деятелями и их помощниками, распространяясь благодаря развитию информационных технологий. Универсальность дискурса внедряется высказываниями и гипотезам, которые, планомерно повторяясь, оказывают гипнотическое воздействие, становясь общественными предписаниями [3]. «Свободными» при такой системе именуются институты, приводящиеся в действие в странах, называемых свободными той элитой, у которой существуют реальные возможности для институциональных изменений или их торможения. Другие трансцендентные формы свободы по определению записываются в категории, которые стали носить в социуме негативный окрас, чаще всего не имея аргументированных на то оснований. Любое движение мысли упирается в барьеры.

Современные технологии ведут к ослаблению негативной позиции индивида. Господство постепенно трансформируется в администрирование. Внутри разрастающейся иерархии управляющих и исполнительных советов осязаемые формы эксплуатации скрываются за фундаментом экономико-технологической и политической рациональности. Воспроизводство неравенства теперь скрывают технологические достижения, но несвобода, проявляющаяся в подчинении человека производственному аппарату, продолжает процессы закрепления и усиления, используя технологическое развитие в качестве одного из своих основных инструментов. В реальности ни изменение формы труда, ни предпочтение новых административных форм контроля физическим, ни выравнивание возможностей потребления не способны компенсировать того факта, что многие решения принимаются в той области, где обычному индивиду места нет. Зависимость

определяется далеко не тяжестью труда или мерой покорности, а статусом бытия человека как простого инструмента и сведением его к состоянию вещи.

Усиление власти аппарата над населением проявляется в создании нужды приобретения товаров, которые необходимо выгодно продавать, в избавлении от лишних способностей и в том, что принято называть «воспитанием» желания трудиться для производства и успешной реализации товаров и услуг. В итоге система тяготеет не только к тотальному администрированию, но и тотальной зависимости от управления, исходящего от руководствующих групп.

Если работа является лишь средством к существованию, то рабочий в такой системе есть не самоцель, а средство. Как отмечал Эрих Фромм, человек все более ощущает себя товаром, который необходимо реализовать на рынке. Еще раньше это заметил Карл Маркс, указавший на то, что происходит рост обесценения человеческого мира. Проблема в том, что отношения эгоистических целей все чаще пронизывают не только экономические, но и другие виды социальных отношений. Образование уже давно трансформировалось из средства удовлетворения любознательности индивида в потребность, необходимую для выживания. Об этом свидетельствуют бесчисленные предложения от нанимателей, требующих от потенциального наемного работника наличие диплома о получении высшего образования, и не имеет значения, в какой сфере он получен. Образование, переходя из сферы культурной, оказалось элементом экономических отношений. Аналогичные тенденции происходят не только в образовательной, но и научной сфере. Столь популярный сейчас термин «человеческий капитал» недвусмысленно намекает на то, что ученые рассматриваются исключительно как объект для инвестирования, от которого ожидается коммерческая отдача.

Проблемой здесь становится не коммерциализация, а тот факт, что упор на рыночные критерии инвестиций и инноваций неизбежно приводит к тому, что научно-технические достижения все чаще отвлекаются от решения значимых проблем, таких как улучшение системы здравоохранения, защита окружающей среды, повышение качества труда и прочих элементов социальной инфраструктуры, определяющих уровень развития общества. Усмирение центробежных сил в обществе происходит с помощью процессов, имеющих в своей основе рыночные критерии. Социальное положение нанятых в такой системе сближается с положением обычных рабочих: они вынуждены продавать свои навыки, умения, силу и интеллектуальные способности.

Другая проблема заключается в том, что бюрократизация жизни человека повлекла за собой перемещение личных идеалов из производственной сферы в сферу потребления и быта [2, с. 97]. Но даже фетишизация потребления и досуга как сфер, в которых личность может развиваться, в итоге оказалась иллюзорной.

Морис Бланшо указал, что таков человеческий удел: постоянно иметь дело с тем, что отвлекает его от главного, пребывать в себе, а потому и всегда быть разлученным со своими творениями дистанцией взгляда, оставаясь лишь простым наблюдателем [1, с. 134].

Список литературы

1. Бланшо М. Пространство литературы. Пер. с франц. / Перевод Б.В. Дубинин, С.Н. Зенкин, Д. Кротова, В.П. Большаков, Ст. Офертас, Б.М. Скуратов. М.: Логос, 2002. 288 с.
2. Институциональные вызовы современной России: экономика и право. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2016. 237 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
4. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе: [пер. с нем.] / Э. Фромм. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 571 с.
5. Heidegger M. Basic writings: From Being and time (1927) to the task of thinking (1964). New York: Harper and Row, 1977. 397 p.
6. Moses Hess. Über das Geldwesen. In: Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform. Bd. 1. Darmstadt, 1845. S. 1-34

ALIENATION: SOCIAL AND ECONOMIC ANALYSIS

I.A. Evdokimov

Tver State University, Tver

The aim of the article is to describe and identify the types of alienation and to show impact of estrangement on human.

Keywords: *alienation, estrangement, institutionalization, institutional structure.*

Об авторе:

ЕВДОКИМОВ Илья Александрович – аспирант кафедры экономической теории, Тверской государственной университет, г. Тверь. E-mail: virginjesse@gmail.com

EVDOKIMOV Ilya Aleksandrovich – Ph.D. student of the Economic Theory Dept., Tver State University, Tver. E-mail: virginjesse@gmail.com

References

1. Blansho M. Prostranstvo literatury. Per. s franc. / Perevod B.V. Dubinin, S.N. Zenkin, D. Krotova, V.P. Bol'shakov, St. Ofertas, B.M. Skuratov. M.: «Logos», 2002. 288 s.
2. Institucional'nye vyzovy sovremennoj Rossii: jekonomika i pravo. Tver': Tverskoj gos. un-t, 2016. 237 s.
3. Markuze G. Odnomernyj chelovek. M.: «REFL-book», 1994. 368 s.
4. Fromm Je. Zdorovoe obshhestvo. Dogmat o Hriste: [per. s nem.] / Je. Fromm. M.: AST: Tranzitkniga, 2005. 571 s.
5. Heidegger M. Basic writings: From Being and time (1927) to The task of thinking (1964). New York: Harper and Row, 1977. 397 p.
6. Moses Hess. Über das Geldwesen. In: Rheinische Jahrbücher zur gesellschaftlichen Reform. Bd. 1. Darmstadt, 1845. S. 1-34